

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 82.09-1
DOI: 10.26456/vtfilol/2025.3.159

РЕЦЕПЦИЯ ДЕРЖАВИНСКИХ ОБРАЗОВ ‘РЕКИ ВРЕМЕН’ И ВОДОПАДА В ЛИРИКЕ В.В. КАПНИСТА

А. Ю. Антонов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

В статье рассматриваются особенности рецепции В.В. Капнистом державинских образов водопада и ‘реки времен’. Их актуализация связана с реакцией Капниста на смерть Г.Р. Державина. Показывается, что рецепция эта имела нелинейный характер, а образы в различных текстах – вариативные семантические приращения.

Ключевые слова: В. В. Капнист, Г. Р. Державин, поэзия XVIII–XIX вв.

Последнее стихотворение, написанное Г.Р. Державиным, «Река времен в своем течении...», было создано незадолго до смерти поэта в июле 1816 г. Центральным образом этого стихотворения является ‘река времен’, онтологический образ, своими корнями уходящий в долитературную эпоху. О.В. Зырянов отмечает, что «Река времен...» Державина – это своего рода синтез, столкновение идей Екклесиаста и Горация в одном тексте. Если Екклесиаст пессимистичен: все прошлое будет забыто потомками; то Гораций, напротив, полон оптимизма: поэзия будет вечна; слава поэта переживет и его самого, и его народ. Особое же своеобразие синтеза этих идей в оде Державина состоит в том, что искусство тоже не избегнет потопления в ‘реке времен’, хотя и переживет поэта, но на некий неопределенный срок. И именно в этой неопределенности, по Зырянову, и кроется его особая смысловая глубина, ценность, притягательность для потомков [7, с. 90–91].

Будучи близким другом Державина [1, с. 4], В.В. Капнист откликнулся на его смерть: многие из стихотворений, написанных Капнистом после смерти Державина, обращены к памяти усопшего друга. Стоит отметить широкую вариативность методов и способов, к которым для этого прибегает Капнист. Прежде всего, это приемы реминисценции и аллюзии. При помощи неоднократного обращения к текстам Державина Капнист

© Антонов А. Ю., 2025

актуализирует и развивает многие его образы, идеи и философы; стоит упомянуть и о «воскрешении» образа самого Державина на страницах некоторых од Капниста («На кончину Гавриила Романовича Державина», «На тленность», «Ода на смерть Державина», «Различность дарований»).

При всем типологическом многообразии рецепции державинского наследия в творчестве Капниста, наиболее разработано оказывается философское понимание метафорического образа водной стихии. За этим обобщением скрываются два важных для Капниста образа: образ водопада и образ реки, восходящие к творчеству Державина; именно на своеобразной полемике с ним и строится творческий диалог. Река и водопад одновременно и тождественны, и противопоставлены друг другу; они то соединяются в некий концепт, то существуют как два обособленных образа, как два различных по своей природе объекта. Они то воспринимаются как метафора, то становятся объектами вещного мира, сливаются с бездеятельным пейзажем, выступают в роли красочного фона; наконец, они могут выступать в роли актанта, стоящего на границе миров: метафорического, иллюзорного и вещного, реального.

Рецепция и дальнейшая разработка мотива водной стихии как дань памяти почившему другу со стороны Капниста вовсе не случайны: водная образность занимает ключевое место в системе мировоззрения и поэтике Державина. Текучесть, подвижность воды в сознании поэта неразрывно связана с цикличностью жизни, мироздания, времени: метафора течения в его поэзии неотделима от таких понятий, как 'любовь', 'поэзия', 'жизнь', 'вдохновение', 'смерть' [12, с. 49–52].

В связи с рассмотрением рецепции этой державинской образности необходимо отметить, что помимо идей Екклесиаста и Горация в его «Реке времен...» отразилось влияние целого ряда других текстов: образ 'реки времен' был широко распространен в европейской классицистической традиции, популярен и известен в России в конце XVIII в. Однако не в конкретном претексте стоит искать источник предсмертного стихотворения Державина: творческий процесс не обязательно должен иметь прямолнейную связь с каким-либо конкретным эстетическим впечатлением автора, он, как правило, происходит из накопившейся суммы таких впечатлений [2, с. 44]. Это в известной степени справедливо и по отношению к рецепции темы 'реки времен' в лирике Капниста; еще в 1780 г. Капнист пишет в оде «Надежда»: «Ручей, который с гор стремится / Крутится, пенится, ревет, / Сквозь дебри роется, мутится / И камни быстринной несет, / Не столько в ярости опасен, / Как ток незлобив, тих, безгласен, / Уныло дремлющий в берегах; / Он лестью бездну покрывает. / Тот рвенью чувств изображает, / А сей отчаяния зрак» [9, с. 98]. В этих строках нельзя не заметить образ, который позднее, переосмысленный под влиянием державинской «Реки времен...», выльется в образ реки Псел из имени Капниста. При этом строки: «Ручей, который с гор стремится / Крутится,

пенится, ревет» [Там же], – очень похожи на описание водопада; образ же таящего за унылой дремотой бездну тока созвучен образу реки из оды «В память береста», которую Капнист напишет почти что через сорок лет после оды «Надежда». Тем не менее, несмотря на наличие такого явного претекста, можно с полной уверенностью утверждать, что последняя ода Державина явилась для Капниста непосредственным триггером к созданию образа ‘реки времен’ в его позднем творчестве: он возвращается к не чуждым ему, уже некогда разработанным им образам, но на несколько ином уровне их осмысления. Интересна специфика философского наполнения приведенной строфы из оды «Надежда»: такое противопоставление водопада и обманчивого тока неслучайно. Идейно эта ода как бы предвосхищает державинские «Водопад» и «Реку времен...»: в образе водопада здесь аллегорически изображены преходящие земные страсти (в «Водопаде» Державина этот образ означает ‘славу’, будучи к тому же отождествляем с образом екатерининского вельможи); образ же тока оказывается созвучен образу державинской ‘реки времен’. В данном контексте можно вспомнить утверждение Д. Д. Благого о том, что «Сатира первая и последняя» Капниста якобы предвосхищает державинский прием «смешения стилей» [1, с. 7]. Видимо, здесь мы сталкиваемся со следами обсуждения на рубеже 1770–1780-х гг. членами кружка Н. А. Львова актуальных общих эстетических идей.

Неожиданная кончина Державина подтолкнула Капниста к написанию сразу нескольких произведений, посвященных теме его смерти. Наиболее известна из них, пожалуй, ода «На тленность», «дописанное восьмистишие» державинской «Реки времен...», как ее называет М. Л. Гаспаров [3, с. 192]. Примечательна она, прежде всего, тем, что именно в ее составе впервые был опубликован верный текст последней державинской оды, где на конце первого стиха читается именно «теченьи», а не «стремленьи» [13, с. 19–24]. Пафос данной оды Капниста сводится к постулированию идеи, противоположной державинской: поэзия и слава Державина будут жить вечно, до тех пор, покуда живо само мироздание. Завершается ода вариацией мотива ‘реки времен’: «Времен над реющею бездною / Венок твой с лирою всплывет» [8, с. 256]. Интересно, что в этом образе бездны, по всей видимости, впервые у Капниста отождествляются образы водопада и ‘реки времен’ (в то время как в оде «Надежда» он, к примеру, эти два образа друг другу противопоставляет). Глагол «реять», применительно к водной стихии, имеет два значения: «течь» (что присуще реке, на поверхности которой только и может всплыть венок с державинскою лирой) и «ниспадать» (см. у Даля: «Вешние ручьи реют с гор» [5, с. 96]), – что свойственно как раз описанию водопада, на поверхности которого уже ничто всплыть физически не может.

Хотя, возможно, Капнист и не мыслил свой тезис о бессмертии державинского наследия резко полемичным по отношению к позиции по-

чившего друга. Как кажется, в своем подходе к реинтерпретации «Реки времен...» Капнист прибегает к тонкой литературной игре, и строки: «А если что и остается / Чрез звуки лиры и трубы...» [6, с. 236], – приобретают несколько иное значение по отношению к традиционному прочтению. Капнист, видимо, смещает акцент с самой поэзии на то, что эта поэзия воспевают. Поскольку «пройти чрез звуки лиры и трубы» означает быть запечатленным в искусстве: в частности, в эпической поэзии (труба) и торжественной оде (лира) [10, с. 219–221, 224–229], то фокус державинских строк, в сущности, приходится не собственно на поэзию, а на те деяния, которые она воспевают. Т. е. Державин этими строками как бы делает акцент не на искусстве, а на градации «дел людей, народов, царств и царей»: те из них, что даже воспеты в искусстве (а значит, самые достойные, лучшие), все равно «вечности жерлом пожрут и общей не уйдут судьбы» [6, с. 235–236].

Несколько иначе тема ‘реки времен’ раскрывается в «Оде на смерть Державина». Здесь смерть напрямую сравнивается с рекой (5 строфа): как деревья и здания тонут в реке, «Так вся мирская скоротечность, / В глубокой гибнет бездне сей» [8, с. 306], – т. е. в смерти. Но Державин, будучи этой смертью поглощен, из нее восстает, как остров Делос (6 строфа), согласно мифу, как пишет в примечании сам Капнист, «воздвигнутый из моря» [Там же, с. 308]. Здесь для Капниста не менее важно, судя по всему, и то, что остров этот был посвящен богу стихотворства. И равно тому, как в этом мифологическом сюжете остров обрастает деревьями, видимо, и Державин, по мысли Капниста, некогда «обрастет» посмертной славой. Дальше, в 7 строфе появляется образ водопада, актуализирующий не только аллегорическое значение державинского образа; водопад здесь означает не просто некую абстрактную ‘славу’; это слава, неотделимая от ее носителя: Державину, согласно Капнисту, должно стать в этом смысле равным Потемкину. А дальше – вновь «реалистическое» описание; перед нами – картина замерзшего, скованного льдами водопада, существенно отличающегося от державинского, который оказывался «сильнее» льда. Видимо, при помощи такой трансформации державинского образа Капнист стремился, помимо достижения «реалистичности» описания, создать эффект того, что его водопад подобен почившему Державину, который одновременно как бы принадлежит двум мирам: хотя и умер, но в каком-то смысле все еще жив и будет жить вечно. Даже водопад, скованный льдами, замолк: «Но ты, под гробовой доскою, / Державин! Гимнами гремишь» [Там же, с. 307]. А далее в «Оде на смерть Державина» сообщается о его поэтических заслугах – с помощью многочисленных реминисценций из других его значимых произведений.

Державинская водная образность занимает ключевое положение и в «Обуховке»: в изображении прекрасного, идиллического пейзажа имени поэта немаловажную роль играет описание реки Псел. Оно за-

нимает с 9 по 16 строфы оды. Внутри этого пространного описания в 9–12 строфах актуализируется образ водопада, а в 13–16 – образ реки. Перед нами – возвышенное описание утилитарного механизма – водяных мельниц. Именно струящаяся с них вода и предстает в облике водопада [14, с. 344]. Едва ли здесь стоит видеть снижение державинского образа. По всей видимости, Капнист тут остается верен идеям, высказанным им еще в ходе полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» [11, с. 205]: он стремится воплотить в жизнь идею «ut pictura poesis». Все рисуемые им образы тяготеют к «реалистичности» их изображения. Поэтому автор описывает только то, что видел сам, воочию. Он поэтизирует реальность, а не создает абстрактные, не существующие в действительности образы. Также в образе водяных мельниц очевидна аллюзия на образ Кончезерского завода из оды Державина: звуки его водяных машин и в реальности сливались со звуками водопада [4, с. 460]. Капнист, акцентируя на этом внимание, нарочито подчеркивает важность для него композиционного замысла державинской оды. Интересно, что в «Обуховке» водопады мельниц сравниваются уже отнюдь не со славой, а со страстями и никчемностью, пагубностью столичной жизни. Горацианский дух оды призывает к уединению – и через это – через умеренность, искренность и избегание страстей – к обретению земного счастья.

А вот уже мотив своеобразного противостояния берега и реки, впервые появляющийся тут как развитие мотивов из оды «Надежда», где ток подмывает берег, и «Оды на смерть Державина», где река губит деревья и рушит строения, существует в неразрывной связи с темой ‘реки времен’: «Уж он склонил чело на воду, / Подмывши брега крутизну, / Уж смотрит в мрачну глубину, / И скоро, в бурну непогоду, / Вверх корнем ринется ко дну. // Так в мире времени струями / Все рушится средь вечной при, – / Так пали древни алтари, / Так с их престольными столпами / И царства пали и цари» [8, с. 263]. Это смысловое единство нарочито разбито на две строфы: в первой из них дается живописное изображение берега, а в следующей – философское толкование в контексте темы ‘реки времен’. Все это типологически и структурно напоминает эмблему. То же справедливо и по отношению к предшествующему образу водопада. Видимо, такой дидактизм служит, прежде всего, той цели, чтобы философия не прошла мимо читателя или же не была бы неверно истолкована.

Если у Державина никак не показывается связь «дел людей», которые навечно пожрут бездной забвения, с собственно взаимоотношениями этих людей, то для Капниста принципиально важно, что «все рушится средь вечной при». Это значит, что забвение обусловлено не самим существованием бытия и человека в нем, а преи – то есть состязанием, противостоянием. Иными словами, тема ‘реки времен’ претерпевает значительную трансформацию по отношению к предыдущим текстам: страсти, которых надлежит всячески избегать в горацианском счастливом уе-

динении, видимо, и являются той «вечной прей», что разрушает «древни алтари», губит «царства» и «царей». Именно люди и их распри всему виной, а не надмирный закон бытия.

Развитие этой сюжетной линии находит свое продолжение в оде «В память береста». Мотив реки времен здесь сопряжен с другим, не менее важным для Капниста мотивом – мотивом рока, судьбы. По сути, они сходятся воедино. В каком-то смысле, здесь описывается та же картина, что и в «Обуховке», но уже вновь с несколько иной философской трактовкой. Становится понятно, что берест – метафора человеческой жизни, а река – неумолимого хода истории, некоего соединения злого рока и злой воли, меркнувших перед лицом бездны неизбежности (см. 11–13 строфы). Все вновь строится вокруг ‘при’: происходит жестокая борьба, можно даже сказать, предательство; но что бы ни происходило – всему уготована смерть. Здесь Капнист возвращается к державинскому пониманию образа ‘реки времен’, хотя ранее предложенные двумя поэтами трактовки темы и различались. Герой, рубящий берест, движим силою подсознательной необходимости: смерть в любом случае неизбежна, ‘река времен’ все смоеет, и в попытке пойти против рока (т. е. божественного предрешиения) не будет успеха. Тем самым Капнист говорит, что рок действует руками людей: толкает их на прю, в ходе которой сами они и рушат «народы и царства», свергают «царей». Но ‘река времен’ здесь противопоставлена року: быть может, это намек на то, что ‘река времен’, в отличие от всегда злого рока, может оставить хоть память нетронутой? Если это и так, то это – призрак ложной надежды: ведь если бы лирический субъект и не срубил берест, то река все же вымыла бы всю почву из-под его корней и все равно бы увлекла его в свои воды. Тем самым поэт призывает читателя постичь истинную природу, тождественность рока и ‘реки времен’ и принять это как неизбежность. Видимо, по мысли Капниста, путь к бессмертию – в слиянии человека с ‘рекою времен’: не дела земные должны оставаться в памяти поколений, а вечная душа должна остаться вечно живой в горнем мире.

Закончить обзор типологии образа ‘реки времен’ в творчестве Капниста нельзя, не упомянув одну из его последних од – оду «На смерть Наполеона». Здесь Наполеон, с одной стороны, выступает в роли персонифицированного образа ‘реки времен’: в его власти – вершить мировую историю, низвергать с престолов царей и поработать их царства; с другой же стороны, он сам оказывается низвергнут, как раз, видимо, за то, что, предавшись чрезмерной гордыне, и сам уверовал в то, что он подобен неумолимому, всевластному року [Там же, с. 322–325].

Итак, Капнист откликается на смерть Державина, актуализируя его образы водопада и ‘реки времен’ в своем творчестве. Эти образы постоянно варьируются, то сближаясь, то размежевываясь. Впервые Капнист обращается к ним еще в оде «Надежда» 1780 г.: водопад, тождественный славе и страстям, оказывается бессилем по сравнению с ‘рекой времен’.

После смерти Державина Капнист «дописывает» его предсмертное восьмистишие в рамках оды «На тленность». Он утверждает, что поэзия и слава Державина будут жить вечно, пока живо само мироздание. Здесь образ водопада сливается с образом 'реки времен'. В «Оде на смерть Державина» сказано, что Державин, будучи поглощен рекой смерти, восстанет из ее бездны и стяжает посмертную славу. Особого внимания заслуживает образ водопада, одновременно уподобленного и противопоставленного образу Державина: оледенелый водопад подобен настоящему, но беззвучен; Державин же и из гроба «гимнами гремит». В «Обуховке» в роли образа водопада выступает поэтизированный образ водяных мельниц и аллегорически означает уже не славу, а тщету земных страстей. Поэт призывает, вслед за Горацием, искать земное счастье в уединении и искренности. Впервые появляется образ береста, получающий свое развитие в оде «В память береста», где 'река времен' отождествляется с образом рока, действующего руками людей. Путь к бессмертию возможен только в слиянии с 'рекой времен'. Наконец, тема 'реки времен' присутствует в оде «На смерть Наполеона»: Наполеон возомнил себя подобным всевластной 'реке времен' и был наказан Богом за свою непомерную гордыню.

Список литературы

1. Благой, Д. Д. Василий Капнист // Капнист В. В. Сочинения. Москва: Художественная литература, 1959. С. 3–35.
2. Васильев Н. Л. Г. Р. Державин и Н. Е. Струйский: (об одном из возможных источников предсмертного стихотворения Державина) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 2. С. 44–50.
3. Гаспаров, М. Л. «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 153–193.
4. Грот, Я. К. Объяснительные примечания // Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1864. С. 1–792.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. Москва: Санкт-Петербург: Издание Вольфа, 1882. 704 с.
6. Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1866. 784 с.
7. Зырянов, О. В. «Река времен...» как сверхтекстовое образование в русской поэзии XIX–XX вв. // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 87–100.
8. Капнист, В. В. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1973. 623 с.
9. Капнист, В. В. Ода «Надежда» // Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6. Август. С. 95–101.
10. Клейн, И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 219–234.

11. Лаппо-Данилевский, К. Ю. К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» // XVIII век. Сборник 26. Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 203–220.
12. Левицкий, А. А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. Сборник 20. Санкт-Петербург: Наука, 1996. С. 47–71.
13. Мартынов, Г. Г. Последнее стихотворение Державина // Петербургская библиотечная школа. 2003. № 2. С. 19–24.
14. Скалон, С. В. Воспоминания // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1891. Т. 44. С. 338–368.

RECEPTION OF G. DERZHAVIN'S 'RIVER OF TIMES' AND WATERFALL IMAGES IN V. KAPNIST'S POETRY

A. Yu. Antonov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow
Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article shows that the images of the “River of Times” and waterfall in V. Kapnist’s poetry were inspired by G. Derzhavin. Several Kapnist’s texts, in which he reinterprets these images in different ways, are subjected to detailed consideration. It is noted that these images in Kapnist’s oeuvre evolve non-linearly, simultaneously generating various philosophical interpretations.

Keywords: *V. Kapnist, G. Derzhavin, poetry of the 18th–19th centuries.*

Об авторе:

АНТОНОВ Александр Юрьевич – младший научный сотрудник Отдела научной эдиции, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (121069, Москва, ул. Поварская, 25А, стр. 1); аспирант кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, 1), e-mail: alexander.a11@yandex.ru.

About the author:

ANTONOV Alexander Yurievich – Junior Researcher at the Department of Academic Edition, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (121069, Moscow, Povarskaya St., 25A, bld. 1), Postgraduate Student at the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow Leninskie gory, 1), e-mail: alexander.a11@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.12. 2024 г.

Дата подписания в печать: 15.09.2025 г.